

ТРАДИЦИЯ ПЕСНОПЕНИЙ ЛА КАНТАДА В КОНТЕКСТЕ ПРАЗДНОВАНИЯ ДНЯ МЕРТВЫХ В г. НАОЛИНКО (ШТАТ ВЕРАКРУС, МЕКСИКА)

ЮЛИЯ СЕРГЕЕВНА ОВЧИННИКОВА

(Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова: Российская Федерация,
119192, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 31, корп. 1)

Аннотация. Статья посвящена осмыслению традиции песнопений ла кантада в контексте празднования Дня мертвых в г. Наолинко (штат Веракрус, Мексика) и написана по материалам экспедиции 2011 г. Ла кантада рассматривается как разновидность религиозных песен жанра алабанса, формирующего локальную специфику празднования Дня мертвых. Культурное время-пространство этого праздника, переплетающегося с католическим Днем всех верных усопших, выходит за пределы одного календарного дня и охватывает несколько дней и даже недель. В отличие от христианской Европы, где связь с умершими предками реализуется через мотив памяти и молитвенного обращения к Господу и святым (при сохранении дистанции между мирами), в Мексике граница между миром живых и миром мертвых преодолевается мотивом непосредственной встречи с усопшими. Особенности бытования кантады в г. Наолинко обусловлены религиозным синкретизмом, соединяющим древние мезоамериканские представления о загробной жизни с христианско-католическими. Исполнение кантады перед алтарями мертвых и на кладбище актуализирует ключевые концепты мексиканской культуры, среди которых культуuroобразующим элементом выступает дуальность жизни и смерти, нашедшая отражение в текстах песен. Народные кантады, обращенные к Господу, апостолам, католическим, латиноамериканским и местночтимым святым, а также непосредственно к умершим предкам, имеют единый незамысловатый мажорный мотив, благодаря которому каждый может включиться в совместное пение а капелла или под гитару. Главным символическим смыслом совместного исполнения алабансы выступает мотив единения: единение с высшим миром (обращенность к Господу, апостолам и святым), со смертью (обрядовое переживание смерти), единение живых с усопшими, единение жителей города и гостей. Кантады играют важную роль в трансляции сакральной христианской, латиноамериканской и локальной истории, служат образовательным и воспитательным целям.

Ключевые слова: ла кантада, День мертвых, Día de los Muertos, Наолинко, традиционная культура Мексики.

Ла кантада (cantada — песнопение) представляет собой разновидность религиозных песен из жанра алабанса (alabanza — славословие, хвалебная песнь, восхваление), занесенного в Латинскую

Америку в период конкисты францисканцами, и формирует одну из наиболее ярких региональных традиций празднования Дня мертвых (Día de los Muertos) в г. Наолинко (штат Веракрус, Мексика).

*Традиционные сладости для алтаря мертвых. Город Наолинко, штат Веракрус. Фото автора, 2011 г.
Traditional sweets for the Altar of the Dead. Naolinco city, Veracruz state. Photo taken by the author, 2011*

*Калака (череп и скелеты) для алтаря мертвых. Город Наолинко, штат Веракрус. Фото автора, 2011 г.
"Calaca" skulls and skeletons for the Altar of the Dead. Naolinco city, Veracruz state. Photo taken by the author, 2011*

Соединяя в себе элементы семейного и городского праздника, эта музыкально-поэтическая традиция в буквальном смысле «открывает» двери домов, чтобы и хозяева, и гости могли «встретить» умерших предков и совместно исполнить молитвенные песнопения.

В отличие от православной традиции, посвящающей несколько дней в году поминовению душ умерших родственников, в Латинской Америке День мертвых — в католическом прочтении День всех верных усопших (La Conmemoración a los Fieles Difuntos, Día de los Difuntos), — согласно календарю Римско-католической церкви, отмечается только один раз в год — 2 ноября, вслед за Днем всех святых. В странах мезоамериканского культурного региона День всех верных усопших представляет собой синтез католических традиций и индейских верований, имеющих региональные различия и определяющих локальную специфику празднования в Мексике, Гватемале, Никарагуа, Гондурасе и Сальвадоре. Между тем именно в Мексике День мертвых получил наиболее яркое воплощение на национальном уровне, став своеобразным символом страны и средством этнокультурной идентификации местных жителей.

Во время научно-исследовательской экспедиции в штат Веракрус (24 октября — 9 ноября 2011 г.), организованной под эгидой Общероссийского движения творческих педагогов «Исследователь» и Международного движения содействия научно-техническому досугу молодежи MILSET, группе «Социокультурная психология и антропология» под руководством профессора МПГУ А. С. Обухова удалось

зафиксировать локальные особенности празднования Дня мертвых в г. Наолинко. Анализ собранного материала позволяет нам выделить несколько доминантных черт традиции ла кантада.

Переплетаясь с отмечаемыми католическими праздниками День всех святых (Día de Todos los Santos) 1 ноября и День всех усопших (Día de los Fieles Difuntos) 2 ноября, День мертвых формирует особое культурное время-пространство, выходящее за пределы одного календарного дня и охватывающее несколько дней и даже недель, в течение которых проводятся обряды. В этом отношении представляется важность наблюдение А. В. Ващенко о том, что всякое «время-пространство в мифологической традиции сакрально, поскольку обладает магией преобразования бытия» [Ващенко 2013, 121]. «Вхождение» в пространство Дня мертвых в штате Веракрус начинается 29 сентября, когда, согласно местным поверьям, святой Петр открывает небесные врата, чтобы усопшие могли начать свой путь на землю для встречи с близкими и для получения приготовленных ими ко Дню мертвых приношений [Mosqueda 2010, 41]. В соответствии с мезоамериканской мифологической традицией приход усопших душ в дома родственников и друзей происходит в разные календарные дни в зависимости от типа смерти и соответствующего типа загробного мира (в один день приходят души умерших в катастрофах или в результате несчастного случая; в другой день — души убитых; в третий — неродившихся младенцев; отдельный день посвящают детям, умершим некрещеными; особый день — умершим естественной

смертью; специальное время-пространство в праздновании Дня мертвых уделяется одиноким душам, не имеющим родственников, которые могли бы им поставить алтарь и приготовить приношения). Точные даты и конкретное время прихода усопших различной категории, как и даты, в которые предписывается посещение кладбища, широко варьируются в разных местах. Вместе с тем на основе собранного материала можно заключить, что обрядовое время-пространство Дня мертвых охватывает период примерно с 29 сентября по 3 ноября.

В отличие от общехристианских традиций поминовения усопших, где преобладают молитвы об упокоении умерших, здесь доминирующим мотивом выступает *встреча* с усопшими предками. Этот мотив *встречи*, который был зафиксирован нами в г. Наолинко, является относительно уникальным для Мексики в целом и во многом определяет и общий радостный настрой праздника, который у неподготовленного зарубежного наблюдателя может вызвать недоумение. Как отмечает Рут Д. Лечуга, «...в то время как для европейца простое упоминание о смерти представляет собой табу <...>, мексиканец привыкает к этой идее с детства» [Lechuga 2002, 19]. Здесь речь идет о специфике мексиканского народного восприятия самого концепта смерти, который, будучи глубоко разработанным еще в религиях древней Мезоамерики, выступает одним из сущностных оснований мексиканской культуры и ярким «выражением мексиканского духа» [Reyes Landa 2008, 65–77]. Согласно мировидению индейцев науа, ни природа, ни человек не обречены на вечную смерть: все умирает и возрождается вновь, а смерть понимается как рождение в другом мире и в другом качестве. Для индейской мезоамериканской ментальности жизнь и смерть представляют собой не столько антагонизмы, сколько дуальность, эти важные составляющие человеческого бытия едины и неразрывны [Vásquez Zárate 2009, 59]. Широко развитая система образов Смерти и по сей день проникает в самые разные пласты повседневной жизни и культуры (фольклора, поэзии, литературы, музыки, живописи, театра, кинематографа и др.), выходя далеко за рамки Дня мертвых. Во время экспедиции мы наблюдали,

как в школах и садах различных городов штата Веракрус дети изготавливали маски и куклы в виде черепов и скелетов, одевались в соответствующую одежду во время театральных постановок, посвященных приходу душ умерших предков и символизирующих Смерть как таковую. На рынках и в магазинах полки были переполнены различными сладостями в виде гробиков, черепов и скелетов, не говоря уже о красочных фигурах Катрины (скелета в элегантной одежде) в ресторанах, кафе, офисах и домах.

Лечуга, продолжая свои размышления о разном восприятии концепта смерти в Мексике и Европе, также отмечает: «Различие проявляется и в обряде: европейец посещает кладбище в день поминовения усопших, чтобы вспомнить своих любимых умерших родственников, в то время как мексиканец думает, что в эти дни мертвые возвращаются на землю, чтобы провести день со своей семьей. Кроме того, была унаследована доиспанская традиция посвящать один день усопшим детям, а другой усопшим взрослым. Сегодня праздник может продолжаться много дней» [Lechuga 2002, 19]. В данном случае речь идет о разной дистанции взаимодействия мира живых и мира мертвых: если в Европе связь с умершими предками реализуется через мотив памяти и молитвенного обращения к Господу и святым при сохранении дистанции между мирами, то в Мексике граница между миром живых и миром мертвых преодолевается мотивом непосредственной *встречи* с усопшими.

В г. Наолинко кульминацией праздника является ночь с 1 на 2 ноября, когда начиная с 20.00 вечера до рассвета местные жители, объединяясь в группы, поют кантады перед алтарями мертвых, переходя из дома в дом в направлении кладбища, где также совершается совместное исполнение алабансы в часовне и на могилах родственников. В эти дни центральным локусом сакральной географии праздника становится алтарь мертвых, который устанавливается в каждом доме и на котором располагаются приношения для усопших душ. Всем гостям после исполнения народных молитвенных песнопений у алтаря мертвых предлагаются напитки и гостинцы. Исполнение кантады на кладбищах у могил умерших

Хлеб мертвых. Город Наолинко, штат Веракрус.
Фото автора, 2011 г.

*Bread of the Dead. Naolinco city, Veracruz state.
Photo taken by the author, 2011*

также сопровождается своеобразной праздничной трапезой, включающей различные напитки, в том числе спиртные, хлеб мертвых, а также другую традиционную еду.

*Народные кантады, бытующие в г. Наолинко, имеют единый незамысловатый мажорный мотив, благодаря которому каждый может включиться в совместное пение. Нами было зафиксировано два типа исполнения: совместное хоровое пение а капелла и совместное пение под гитару (в частности, в часовне на кладбище). Короткая, европейского склада мелодия имеет празднично-торжественное настроение, повторяется с каждой новой строфой и строится по принципу ступенчатого восхождения вверх и ступенчатого нисхождения вниз (с опеванием I и III ступеней мажорной тоники). Такую структуру можно символически интерпретировать как **путь**, который «соединяет» два локуса — **верха** и **низа** (или потустороннего и посюстороннего) — и который начинается и заканчивается в общей точке (на I ступени тоники). Тексты песнопений достаточно длинные, в ряде вариантов достигают 32 строф, каждая из которых представляет собой двусоставный стих, записанный в четыре строки. Интересной особенностью исполнения кантады является совместное пение с использованием распроstrаненной в эти дни брошюры с текстами молитвенных песен, составленной и изданной администрацией г. Наолинко специально ко Дню мертвых с целью*

поддержки и сохранения традиции, приобщения к ней молодого поколения и гостей города. Оформление брошюры, к сожалению, не дает информации ни о составителе, ни об источнике получения данных текстов. Вступительная статья, занимающая одну страницу и не имеющая имени автора, содержит краткое описание традиции ла кантада, «уникальной для г. Наолинко», и завершается следующими словами: «Так в общих чертах Наолинко-де-Виктория поддерживает традицию, которой мы как мексиканцы очень гордимся. Следует подчеркнуть, что поэтично-религиозный материал, который вошел в данную работу, представляет собой плод творчества скромных людей, которые вложили свое <...> воображение и талант в рифмованную композицию данных произведений» [La Cantada 2011, 1]. Во время праздника нами было зафиксировано исполнение кантады преимущественно с помощью брошюры (даже когда кто-то исполнял по памяти, другие включались именно с помощью печатного подспорья). Вариантов одного и того же текста кантады в процессе устного исполнения (в силу разового погружения в данную традицию и временных ограничений полевого исследования) нам зафиксировать не удалось, хотя мы предполагаем, что такие варианты существуют.

Основной корпус текстов охватывает собой молитвенные обращения к Господу («Алабанса Сердцу Христову», «Алабанса Кресту Господню», «Алабанса семи словам Господа»), к апостолам («Алабанса святому Матфею», «Алабанса двенадцати апостолам»), а также к католическим («Алабанса благословенным душам»), латиноамериканским («Алабанса святому Мартину де Порресу») и местночтимым святым («Алабанса отцу Дарио Акоста», «Алабанса отцу Амбросито Диасу») и др. Так, например, кантада, обращенная к падре Амбросито Диасу, местночтимому святому, состоит из 32 строф, в которых на языке народной поэзии пересказывается житие священника с упоминанием наиболее важных событий его служения. Песенные тексты поражают своей простотой, наивностью и разговорным стилем:

Que misión tan grande
Que un padre tenía.

Era el sacerdote
 Don Ambrosito Días. <...>
 Aquí en Naolinco
 Todos lo estimaban
 A ese santo padre
 Que aquí radicaba.
 Cuando ochenta años
 Que el padre cumplía
 Para él acabo
 Toda su alegría. <...>
 Cuando un día en tu casa
 Tranquilo tú estabas
 Llegó un carrancista
 Y te amenazaba.
 “Si tú no haces caso
 Te vengo avisar,
 Mira que mi jefe
 Te va a fusilar <...>”.

(Великую миссию
 Имел один отец.
 Он был священником,
 Дон Амбросито Диас. <...>
 Здесь в Наолинко
 Его все уважали,
 Этого святого отца,
 Который здесь проживал.
 Когда сорок лет
 Исполнилось отцу,
 Для него закончилась
 Вся его радость. <...>
 Когда однажды в своем доме
 Ты находился в спокойствии,
 Пришел каррансист¹
 И стал тебе угрожать.
 «Если ты меня не слушаешь,
 Я должен тебе сообщить,
 Что мой начальник
 Тебя расстреляет <...>».²
 [La Cantada 2011, 11].

Жители Наолинко возносят также молитвы святому Мартину де Порресу — перуанскому священнослужителю, врачу и монаху ордена доминиканцев, который был первым мулатом-американцем, канонизированным Католической церковью (конец XVI — начало XVII в.):

<...> Tu nombre bendito
 Con fe pronunciamos.

Por ser morenito
 Todos te alabamos. <...>

(<...> Твое благословенное имя
 Мы с верой произносим.
 Так как ты смуглый,
 Мы все тебе молимся. <...>)
 [La Cantada 2011, 4].

*Кантады играют важную роль в трансляции сакральной христианской, латиноамериканской и локальной истории, служат образовательным и воспитательным целям. Христианская история в народной интерпретации отражается в таких кантадах, как «Алабанса семи последним словам Христа», «Алабанса Святому Кресту», «Алабанса двенадцати апостолам», «Алабанса Сердцу Христову», «Алабадо святому Матфею», «Алабанса по святому Розарию». Каждая из них, как правило, содержит изложение основных евангельских событий, связанных с выбранным сюжетом, мотив покаяния, мотив благодарности и какую-либо просьбу-обращение. Некоторые аспекты латиноамериканской и локальной сакральной истории отражены в кантадах, посвященных местночтимым святым (отцу Дарио Акоста, святому Мартину де Порресу, Дону Амбросито Диасу), среди которых святой Матфей фигурирует как небесный покровитель г. Наолинко. Изложение сакральной истории происходит в форме диалога (с Богом, апостолами, святыми), в котором вспоминаются различные христианские события и который заканчивается (согласно мотиву *встречи*) словами прощания с *собеседником*. Так, «Алабанса Святому Кресту» завершается следующей строфой:*

Adiós Padre mio,
 Adiós mi Jesús,
 Adiós Árbol Santo,
 Santo, Santa Cruz.

(До свидания, мой Отец,
 До свидания, мой Иисус,
 До свидания, Святое Древо,
 Святое, Святой Крест.)
 [Mosqueda 2010, 5].

¹ *Каррансист* — сторонник Венустиано Каррансы (1859–1920), предводителя мексиканской революции.

² Здесь и далее перевод автора статьи.

Ту же форму встречаем в завершении
«Алабансы двенадцати апостолам»:

Adiós once Apostoles
De nuestro Señor.
Yo no cuento a Judas
Porque fue un traidor.

(До свидания, одиннадцать апостолов
Нашего Господа.
Я не считаю Иуду,
Потому что он был предателем.)
[Mosqueda 2010, 7].

В совместное разучивание кантад в предпраздничный период и их последующее исполнение в обрядовом контексте включается все население, в том числе дети и подростки. Песнопения репетируют целыми семьями, в кругу друзей, группами в школах, колледжах, детских садах, студиях по интересам. Таким образом, совместная подготовка к исполнению кантады для Дня мертвых представляет собой своеобразный воспитательно-образовательный процесс, направленный на живое приобщение к христианской метаистории.

Во время празднования Дня мертвых актуализируются ключевые концепты мексиканской культуры, среди которых культуuroобразующим элементом выступает дуальность жизни и смерти, нашедшая отражение и в поэтических текстах. Немецкий исследователь Поль Вестайм следующим образом описывает собственные впечатления о данной традиции: «Европеец, для которого представляет ужас мысль о смерти и который не хочет вспоминать о бренности бытия, вдруг видит перед собой мир, который словно свободен от этого кошмара, мир, который играет со смертью и даже смеется над ней» [Westheim 2003, 33]. Действительно, яркие, красочные, юмористически-игровые образы Смерти занимают центральное место в мексиканском народном творчестве. Среди них — Ла Калака (украшенный разноцветными узорами череп), изображения танцующих, поющих, играющих, выпивающих скелетов, Катрина (скелет, облаченный в элегантную женскую одежду с широкополой шляпой). Вот один из примеров шутовского образа Смерти из местного фольклора:

Bailemos con la calaca
La gran danza, están de suerte!
A nadie pareja falta:
Cada quien tiene su muerte.

(Потанцуем со скелетом
Великий танец — вам везет!
Никто не останется без пары:
Своя смерть ожидает каждого.)
[Mosqueda 2010, 28].

В Мексике и по сей день распространено поверье, что душа умершего становится сверхъестественной сущностью и обладает особой силой, чтобы заботиться о своих живых родственниках. Это представление восходит еще к доиспанским верованиям, отраженным в Мадридском кодексе, согласно которому старики говорили: «кто умер, тот стал богом», а когда говорили «он стал богом», это означало, что он умер. Поэтому если в католической практике молятся об упокоении усопших, то индейцы молятся умершим душам [Lechuga 2002, 19]. В жанре кантады, являющимся примером городской традиции, при доминировании католических форм молитвенных обращений встречаются примеры диалога с умершими. В нижеприведенном примере первое и третье четверостишия исполняются от имени местных жителей, а второе и четвертое можно трактовать двояко: и как жалобу от имени усопших родственников, и как обращение к мертвым от имени живых. Поющие призывают мертвых прийти к ним, чтобы принять приношение и вместе помолиться. Умершие в свою очередь «поют» о своей нелегкой жизни в загробном мире, жалуясь на то, что о них забывают их родственники (другой вариант трактовки второй и четвертой строф: жалоба живых, обращенная к усопшим, на то, что о них забывают умершие и проведывают лишь в День мертвых):

Salgan, salgan, salgan
Animas depenas,
Que el rosario santo
Rompa sus cadenas. <...>

<...> Hijo muy amado,
Pariente o compadre,
Padrecito o madre
Que nos han olvidado.

Salgan, salgan, salgan
Animas depenas
Que el rosario santo
Rompa sus cadenas. <...>

<...> Tenemos descanso
Al día de finados
Pero en todo el año
Somos olvidados. <...>

(Приходите, приходите, приходите,
Страждущие души,
Чтобы молитвы святого Розария
Разбили ваши цепи. <...>

<...> Любимый сын,
Родич или друг,
Папочка или мама,
Которые нас забыли.

Приходите, приходите, приходите,
Страждущие души,
Чтобы молитвы святого Розария
Разбили ваши цепи. <...>

<...> Мы отдыхаем
В день поминовения усопших,
Но в течение всего года
Мы забыты. <...>
[La Cantada, 2].

В местном фольклоре четко прослеживается мысль о том, что необходимо угождать усопшим предкам (как и богам прошлого), чтобы они были благосклонны к просьбам живых; они также ждут приношений. Примечателен и тот факт, что мотив важности подготовки к встрече предков в этот день подкрепляется огромным количеством быличек, рассказывающих о встречах с умершими и своеобразных уроках, которые они преподносят тем, кто о них забывает. Иногда дело ограничивается просто испугом, что стимулирует к подготовке алтаря мертвых, а иногда имеет трагические последствия (болезнь, смерть). Так, одна сеньора попросила своего сына пойти за дровами и купить все необходимое для приношения. Он же потратил весь день на игры и, когда решил вернуться, обнаружил, что за ним идет длинная процессия стариков. Среди них он увидел своего отца, дедушек и бабушек, прадедушек и прабабушек,

прапрадедушек и прапрабабушек: все дрожали от холода, голода и жажды, волоча свои пустые котомки и завернутые в рулон подстилки, и очень хотели вернуться домой, где их ждут, чтобы согреться, поесть и переночевать. Увидев мальчика, они стали его ругать: «Что ты здесь делаешь? Почему ты не ждешь нас дома?» Растерянный, он не смог ничего ответить. Умершие родственники привязали его к дереву и оставили так на всю ночь. На рассвете, когда рассеялся запах копаля и стали тушить свечи у приношений, умершие старики снова прошли по лесу, развязали мальчика и продолжили путь. Мальчик вернулся домой в слезах: «Ай, мамочка, я теперь знаю, что мертвые возвращаются; на следующий год мы купим им еду и будем ждать всех!» [Lechuga 2002, 19]. Приведенные примеры говорят не просто о трансляции памяти об умерших родственниках, но также о наличии в мексиканской традиции живого диалога и отношений взаимодействия с усопшими в реалиях жизни сегодняшнего дня, что актуализирует идею дуальности бытия, о которой мы писали выше.

Характерной чертой контекста исполнения традиции ла кантада является религиозный синкретизм, соединяющий древние мезоамериканские верования и представления о загробной жизни с христианско-католическими. Алтарь мертвых, перед которым исполняется кантада, является своеобразным синкретичным символом иного мира, который представлен во всей его иерархии и многомерности. Многомерность царства мертвых находит отражение в том, что алтарь состоит из девяти или менее ступеней, которые символизируют девять областей загробного мира, по которым странствует душа после смерти, перед тем как попасть в Миктлан, царство мертвых. Иерархия иного мира отражается в сочетании образов Богородицы, христианских святых и подвижников с фотографиями умерших и с различными изображениями Катрины (Смерти) и богини царства мертвых Миктлансиуатль.

Сегодня традиционные алтари мертвых включают образ Богородицы и христианских святых, цветков мертвых семпальсочитль (sempalxóchitl — цветок

двадцати лепестков, цветок вечности, священный цветок ацтеков), хлеб мертвых, фотографии и личные предметы умерших, игрушки для умерших детей, свечи, любимую традиционную еду и фрукты умерших предков, различные изображения Смерти (сахарные и шоколадные скелеты, гробики, черепа и т. д.) и др. Важной составляющей традиции является сжигание благовоний, чей приятный аромат проникает во все уголки дома, создавая атмосферу особенного мистицизма и религиозности.

Так как путь из царства мертвых видится местным жителям долгим и изнурительным, на дорогах, у входа в дом и у алтарей ставятся стаканы с водой, чтобы путешествующие души могли утолить жажду, зажженные свечи, освещающие путь, и незажженные свечи — на обратную дорогу. Также на пути от улицы к алтарям в обилии рассыпают бархатцы — семпоальсочитль, запах и яркий оранжевый цвет которого помогают сориентироваться мертвым в их путешествии в наш мир.

Главным символическим смыслом совместного исполнения алабансы выступает мотив единения: с высшим миром (обращенность к Господу, апостолам и святым), со смертью (обрядовое переживание смерти), единения живых с усопшими, единения жителей города и гостей. Алтарь мертвых соединяет и «структурирует» не только мир потусторонний, но и мир посюсторонний: у него объединяются в совместном исполнении кантады и в сопровождающей ее обрядности родственники, друзья, горожане, гости из других городов Мексики и из-за рубежа. Здесь же происходит *встреча* с представителями иного мира (изображенного во всей его иерархии и многомерности — от Господа, апостолов, святых до умерших предков). Присутствие на алтаре или рядом с ним многочисленных образов Миклантекутли, Катрины и Калаверы (черепа) можно интерпретировать как символическое предметное выражение обрядового приобщения к смерти, ее обрядового переживания, которое трансформирует не только внутренний мир участников церемонии, но и в каком-то смысле определяет их настоящее и будущее.

Подводя итог настоящей статье, следует отметить, что если во многих традиционных культурах способностью преодолевать границы миров и осуществлять связь между ними наделяются люди особых категорий (шаманы, сказители, поэты), то в мексиканской традиции празднования Дня мертвых к этому по сути героическому действу приобщаются все его участники. Каждый носитель традиции в обрядовом контексте осуществляет функцию связи миров, которая реализуется с помощью следующих средств:

— организация сакрального времени-пространства (посещение кладбищ, установление домашних алтарей мертвых, которые по сути являются иконографией иного мира мезоамериканской традиции);

— обрядовое исполнение кантады (через которое осуществляется диалог с представителями иного мира — святыми, апостолами, умершими);

— приготовление и совместное принятие сакральной пищи, в качестве которой выступают именные сахарные Калаверы-черепа, шоколадные косточки и гробики, сахарные скелеты, хлеб мертвых и др.). Как отмечает Маргарита де Орельяна, «...в этот день Калавера (черепа) во всех своих репрезентациях становится участницей общины, и сладости в виде Калаверы, которые мы едим, представляют собой что-то вроде причастия (приобщения) к *смерти*» [De Orellana 2003, 7]. «Вкушая» *ее* через сакральную пищу, местные жители обретаю опыт обрядового переживания смерти (опыт обрядового прохождения через смерть), осваивая на собственном опыте универсальный закон мироздания – дуальности и целостности бытия.

Таким образом, на основе актуализации народной памяти как основы «индивидуального и социального космоса» [Ващенко 2013, 45] выстраивается важнейший нравственный и мировоззренческий фундамент мексиканской культуры, в которой традиция празднования Дня мертвых служит средством культурной идентификации местного населения, а также способом обретения живого опыта духовного родства прошлых и будущих поколений.

Литература

Ващенко 2013 — *Ващенко А. В.* Возвращение на Итаку: этнокультурный фактор в мировом художественном пространстве второй половины XX в. М., 2013.

De Orellana 2003 — *De Orellana M.* La Muerte sonriente // *Artes de México*. 2003. Núm. 67 (Octubre): Día de Muertos II. Risa y calavera. Pp. 6–7.

La Cantada 2011 — *La Cantada*. Naolinco. Revive tu tradición. Naolinco, 2011.

Lechuga 2002 — *Lechuga R. D.* Rituales de día de muertos // *Artes de México*. 2002. Núm. 62: Día de Muertos. Serenidad Ritual. Pp. 16–23.

Mosqueda 2010 — *Mosqueda S. G.* La muerte me pela los dientes. Mexico, 2010.

Reyes Landa 2009 — *Reyes Landa R.* La Muerte como expresión de la mexicanidad // *Festividad de Todos Santos. Concepción y misticismo acerca de la muerte en el centro de Veracruz*. Mexico, 2009. Pp. 65–77.

Vásquez Zárate 2009 — *Vásquez Zárate S. R.* Elementos para comprender el culto de la muerte // *Festividad de Todos Santos. Concepción y misticismo acerca de la muerte en el centro de Veracruz*. Mexico, 2009. Pp. 55–63.

Westheim 2003 — *Westheim P.* Temor a la Muerte. Angustia de vivir // *Artes de México*. 2003. Núm. 67 (Octubre): Día de Muertos II. Risa y calavera. Pp. 31–36.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кандидат культурологии, доцент кафедры сравнительного изучения национальных литератур и культур факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова: Российская Федерация, 119192, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 31, корп. 1; тел. +7 (903) 750-64-49; e-mail: julia.barkova@gmail.com

---

TRADITION OF LA CANTADA CHANT IN THE CONTEXT OF THE DAY OF THE DEAD CELEBRATION (NAOLINCO, VERACRUZ, MEXICO)

YULIYA OVCHINNIKOVA

(Moscow State University named after M.V. Lomonosov: 31–1, Lomonosovskiy av., Moscow, 119192, Russian Federation)

Summery. *The article focuses on comprehension of “La Cantada” tradition in the context of the Day of the Dead celebration in Naolinco (Veracruz, Mexico) following results of expedition of 2011. La Cantada is regarded as variation of religious song “alabanza” that forms bright local specific character of the Day of the Dead celebration. Cultural time-and-space of this holiday interlaced with Catholic All Soul’s Day goes beyond one calendar day and embraces with its ritualism several days and even weeks. Unlike Christian Europe, where connection with dead relatives is realized through motifs of memory and of prayer to God and Saints (with preserving distance between our world and Another world), in Mexico the border between world of living and world of dead is overcome through motif of Meeting with them. The specific character of the Cantada is defined by religious syncretism connecting ancient Mesoamerican beliefs and vision of afterlife with Catholic tradition. Performing of the Cantada in front of Altars of the Dead and at cemetery actualizes the key concepts of Mexican culture, among which the duality of life and death manifests itself as culture-forming element and is reflected in poetic texts. Folk Cantadas addressed to God, to Apostles, to Catholic, Latin American and local Saints, also to dead relatives, have one simple major motif that helps everybody to join singing a capella or with guitar accompaniment. The main symbolical meaning of joint singing of alabanza is the motif of unity with the Higher World (addressing to God, Apostles and Saints), unity of living people with dead people, unity of locals with guests. La Cantada chants play the important role in transmission of sacred Christian, Latin American and local history, serve educational aims.*

Key words: *La Cantada, Day of the Dead, Día de los Muertos, Naolinco, traditional culture of Mexico.*

References

De Orellana M. (2003) *La Muerte sonriente* [The laughing Death]. *Artes de México* [Arts of Mexico]. 2003. No. 67 (Octubre): Día de Muertos II. Risa y calavera [Day of the Dead II. Smile and skull]. Pp. 6–7. In Spanish.

La Cantada. Naolinco. Re-vive tu tradición [La Cantada. Naolinco. Revive your tradition] (2011). Naolinco. In Spanish.

Lechuga R.D. (2002) *Rituales de Día de Muertos* [Rituals of Day of the Dead]. *Artes de México* [Arts of Mexico]. 2002. No. 62: Día de Muertos. Serenidad ritual [Day of the Dead. Ritual serenity]. Pp. 16–23. In Spanish.

Mosqueda S.G. (2010) *La muerte me pela los dientes* [The death peels my teeth]. Mexico. In Spanish.

Reyes Landa R. (2009) *La Muerte como expresión de la mexicanidad* [The death as the expression of Mexicanity]. In: *Festividad de Todos Santos. Concepción y misticismo acerca de la muerte en el centro de Veracruz* [All Saints’ Day. Conception and mysticism of the death in the center of Veracruz]. Mexico. Pp. 55–63. In Spanish.

and mysticism of the death in the center of Veracruz]. Mexico. Pp. 65–77. In Spanish.

Vashchenko A.V. (2013) *Vozvrashchenie na Itaku: etnokul’turnyy faktor v mirovom hudozhestvennom prostranstve vtoroy poloviny XX v.* [Return to Ithaca: the ethno-cultural factor in world artistic space of the second half of the 20th century]. Moscow. In Russian.

Vásquez Zárate S.R. (2009) *Elementos para comprender el culto de la muerte* [Elements for understanding the cult of the death]. In: *Festividad de Todos Santos. Concepción y misticismo acerca de la muerte en el centro de Veracruz* [All Saints’ Day. Conception and mysticism of the death in the center of Veracruz]. Mexico. Pp. 55–63. In Spanish.

Westheim P. (2003) *Temor a la muerte. Angustia de vivir* [Fear of the death. Anxiety to live]. *Artes de México* [Arts of Mexico]. 2003. No. 67: Día de Muertos II. Risa y calavera [Day of the Dead II. Smile and skull]. Pp. 31–36. In Spanish.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: julia.barkova@gmail.com

Tel.: +7 (903) 750-64-49

31–1, Lomonosovskiy av., Moscow, 119192, Russian Federation

PhD (Cultural Studies), associate professor, Department of Comparative Literature and Culture of Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Moscow State University named after M.V. Lomonosov